

БИБЛИОТЕКА В. Г. БЕЛИНСКОГО

Сообщение А. Путинцева

В Тургеневском музее в Орле хранится в настоящее время поступившая сюда из барской усадьбы Тургеневых-Лутовиновых библиотека Белинского. Библиотека эта была приобретена И. С. Тургеневым у вдовы Белинского и затем была перевезена им в свое имение. Все это вероятно произошло в 1848 г., вскоре же после смерти Белинского.

Н. Н. Тютчев, один из друзей Белинского, в своих воспоминаниях о нем¹ сообщает нам некоторые сведения об этой библиотеке. После смерти критика (28 мая 1848 г.) семья его осталась без средств, и друзья решили помочь². Чтобы усилить материальное обеспечение семьи Белинского, решено было разыграть его библиотеку в лотерею. По тому времени на такой пустяк требовалось разрешение правительства. Переговоры от имени друзей Н. Н. Тютчева с III Отделением С. Е. И. В. Канцелярии кончились плачевно: жандармы взглянули на эту затею как на организацию помощи „государственному преступнику“. Тогда остался один исход—продать книги, что и удалось сделать при отзывчивости И. С. Тургенева. Разумеется Тургенев, купивший книги из великодушия, не мог смотреть на эту покупку как на коммерческую сделку и предоставил семье покойного своего друга возможность взять из купленной библиотеки нужные книги. Этим в известной степени (могли быть утечки и потом) объясняется то, что в библиотеке Белинского не оказалось многих таких книг, которых не могло не быть среди книг критика, как например собственной его грамматики, сочинений Кольцова дважды изданных при его ближайшем участии (издания 1835 и 1846 гг.), Пушкина, Лермонтова, Гоголя и проч., а также некоторых рукописных вещей вроде лермонтовского „Демона“, составленного по разным спискам (тогда запретного), хранящегося в настоящее время в Рукописном отделении Всесоюзной Публичной Библиотеки им. Ленина, памфлетов на рептильных журналистов и др.³ Словом, для нас совершенно ясно, что так называемая библиотека В. Г. Белинского до нас в полном виде не дошла. Сколько книг и какие именно утрачены, судить нет возможности, так как никакого списка книг не было у В. Г. Белинского, не завел его и Тургенев. О том, что перед нами лишь часть и, возможно, незначительная часть личной библиотеки критика, говорит также письмо вдовы его к художнику Астафьеву, собиравшемуся писать портрет Белинского на фоне его рабочего кабинета. М. В. Белинская в письме к этому художнику между прочим сообщает, что шкафы с книгами ее мужа занимали всю стену его кабинета и сверх того с двух сторон большого письменного стола стояли две этажерки со справочными изданиями⁴. Как видно из этих слов вдовы критика, библиотека его превышала по количеству книг по крайней мере в 4—5 раз то, что мы имеем в данный момент.

В. Г. Белинский начал накопление книг еще с юношеских лет⁵ и приобретал их потом как в книжных магазинах, так и на толкучке (он между прочим коллекционировал старые гравюры). Кроме того по заведенной традиции у него оставались книги из числа присылавшихся авторами и издателями для отзыва. Так сохранились из этого числа, кроме подписных экземпляров, пустяжные книги вроде „Дворянских выборов“ Ч. А.⁶ и т. п. Книги, приобретавшиеся без переплета, как правило, отдавались переплетчику и переплетались более или менее однообразно: ценные книги в коленкоровый, а обычные в бумажный переплет почти всегда с инициалами на корешке: В. Б. Сохра-

ялись книги у Белинского, вообще державшего у себя в квартире большой порядок, весьма бережно, вследствие чего у него в книгах пометок очень мало, и все они связаны только с чтением книги; посторонних записей нет.

Составлял ли критик свою личную библиотеку по какому-нибудь плану или же она у него росла из случайных приобретений? Конечно случайный прирост был даже из книг, присылавшихся для отзыва, но вообще план несомненно имелся. В статье о стихотворениях В. А. Жуковского (1844), критик, жалуясь на непомерную дороговизну русских книг, говорит о трудности, с какою приходится составлять библиотеку лицам интеллигентного труда, связанным с книгой в силу своей профессии: „...Представьте себе журналиста, рецензента, критика, которому необходимо иметь не только замечательнейших, но и всех сколько-нибудь известных писателей, не исключая из их числа ни Тредиаковского, ни Сумарокова,—необходимо иметь их для справок, указаний, сылок, выписок...“⁷ Это говорит критик после десяти лет работы в качестве профессионала-журналиста и говорит конечно опираясь на собственный опыт. Можно думать после этого, что у Белинского план был, и план этот вытекал из его жизненных условий. Как журналист, затрогивавший в своих статьях о литературе ряд самых разнообразных вопросов из различных областей, он несомненно имел свой план. И план этот чувствуется даже теперь,—в тех книгах, которые дошли до нас; самые важные и значительные отделы здесь: периодика, литературоведение и художественная литература, а также справочные издания. Возможно, что его бывшая библиотека не была большою по количеству книг (может быть около двух-трех тысяч книг), но она сильна была своим подбором нужных изданий, без которых была бы невозможною работа профессионала-журналиста. Она и в теперешнем своем составе довольно отчетливо—в общем конечно—отражает интересы и вкусы Белинского в области литературы, понимая последнюю в широком смысле, а не в узком—художественную литературу.

Библиотека критика, как выше сказано, никогда не имевшая списка на книги, войдя в состав „библиотеки Тургенева“, не была в последней изолирована, почему и восстанавливать ее было довольно трудно, тем более, что музейский список „библиотеки Тургенева“, составленный когда-то студентами под руководством заведующего Турганевским музеем М. В. Португалова, отличается большою запутанностью в деле определения принадлежности книг. Приходилось тщательно взвешивать признаки каждой отдельной книги, принимать в соображение высказывания критики и проч. В конечном итоге, думается, что библиотека Белинского среди прочих книг Турганевско-Лутовиновского собрания выделена правильно, хотя единичные случаи ошибок и не исключены.

Количество книг Белинского, на основании тщательного разбора их, определяется числом—180 названий. Количество томов указывать нет смысла, так как значительное число серийных изданий, например собраний сочинений писателей, разрознено.

* * *

„Пожалуйста, книги, книги, книги шлите!“⁸—вот вопль „неистового Виссариона“, пронесшийся через всю его короткую, но бурную жизнь. И в детские годы, и в юность и в зрелую пору жизни он со страстью отдается чтению книг. Книга, чтение для него в жизни значило очень многое,—с книгой он пережил все важнейшие моменты своей жизни, вплоть до сердечных увлечений⁹. Даже театр, о котором Белинский написал много поистине вдохновенных страниц, так не увлекал его, как чтение. Мы разумеем под чтением здесь не обязательное чтение всего присылавшегося для отзыва, а ознакомление с теми произведениями, которые влекли знаменитого критика сами собою. Иногда из-за невозможности прочитать, за загруженностью журнальной работы, то, что интересовало, Белинский испытывал моральное мучение¹⁰.

Сам Белинский различает свои чтения, отделяя в последних группу книг, читаемых *ex officio* („по должности“, выражаясь словами критика), от группы, читаемых для себя. Книги как из той, так и из другой группы были неодинакового достоинства, пожалуй даже большинство книг *ex officio* были близки к макулатуре, и „читателю“

часто приходилось „погрязать в тине расейской словесности“¹¹. С другой стороны, отражалась на чтении его срочность, не позволявшая углубляться, как иногда нужно было, в содержание книги. Наконец, как всякая работа „по должности“, чтение ex officio не могло служить удовольствием, что не раз утверждает сам критик. Другое совсем дело,—когда приходилось читать книгу „для себя“: уже самая книга, выбранная самим, поневоле к себе влекла; затем чтение ее в спокойной обстановке, без спеха, когда можно было углубиться в ее содержание, прочувствовать и обдумать, может быть даже поделиться с близкими друзьями по поводу прочитанного, составляло большое интеллектуальное наслаждение. Впрочем по отношению к Белинскому, „человеку экстремы“, по меткой характеристике Гердена, нельзя так уж резко разграничивать эти чтения. Довольно многие книги, присылавшиеся для обязательного отзыва, его не меньше увлекали, чем выбранные им самим. Таковы, для примера, „Мертвые души“ Гоголя, „Тарантас“ и „На сон грядущий“ В. А. Соллогуба, ряд книг о Петре I, стихотворения А. Н. Майкова, даже „Герои преферанса“ П. Григорьева, „Трактат о преферансе“¹² С. К. и др. Об этом говорит не раз и сам критик.

Говоря о чтениях Белинского, необходимо сказать о том, как он читал. Его манера чтения обнаруживается как по его многократным высказываниям об этом, так и по наблюдениям над книгами его библиотеки. Серьезное вдумчивое чтение он отличал от скоропалительного, поверхностного, иля, как он называл, „пробегания“ книг, при чем последнее относится к чтениям тех книг ex officio, бессодержательность которых критику как опытному судье книг бросалась с первого же взгляда на книгу. Серьезное отношение применялось обязательно им к чтению книг, заслуживающих того по своему содержанию, будь это чтение для себя или же ex officio. При серьезном чтении, в особенности же, когда критик готовился писать большую статью о прочитанном с детальным ее разбором, он делал предварительные пометки на книге, которые и старался использовать при писании статьи: об этих пометках речь будет несколько ниже.

Вернемся к „пробеганию книг“. Избегать его в тех каторжных условиях, в которых приходилось работать Белинскому у А. Краевского, было невозможно: раз книга присылалась в контору журнала, ее надо было рецензировать. Иногда скопилось такое количество книг всяческих графоманов, что и пробегать-то их он едва успевал. Судя по некоторым книжкам „Отечественных Записок“, Белинскому так или иначе приходилось иногда прочитывать до 4000 страниц¹³ в месяц, при чем самые книги иной раз достойны были только одного отзыва, самого жестокого, по мнению Белинского,—полного молчания¹⁴. После этого нам станет понятно, что „Пробегание“ было неизбежно и вполне извинительно; оправдывал его и сам критик¹⁵. Повторяем, что „пробегание“ ни в какой степени не применялось к серьезным книгам, присылавшимся для отзыва. И мы знаем, что для написания статей о книгах, посвященных Петру I, Белинский прочитывает в целях наилучшего отзыва более тысячи страниц; для отзыва о нравственной философии А. Дроздова он серьезно готовится в Премухине, куда приехал для отдыха, под руководством М. А. Бакунина, и т. д.

Что касается пометок Белинского на книгах, то они, во-первых, имеют словесное выражение, что бывает все-таки редко (например „Вздор!“), и во-вторых, выражены особыми знаками, без слов, что встречается гораздо чаще; они представляют в своем роде систему, в которой впрочем разобраться нетрудно; они вроде той, которой пользовался герой пушкинского романа, отмечая в книге

„То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком“.

Система значков такова:

а) крестик (X), или короткая линия наискось (∕), чаще всего при заголовке статьи, чтобы обратить внимание на отмеченное, как на важное, заслуживающее внимания (так отмечен, например, ряд стихотворений А. Н. Майкова в его книге, вышедшей в 1848 г., рецензированной в „Отечественных Записках“ 1842 г., кн. III);

б) NB (нотабене) — употребляется с тем же значением (так например отмечены сти-

хотворения в „Oeuvres complètes de Béranger“, 1837 г.: „Le Bon Dieu“, „Le censeur“ и др.);

в) восклицательный знак;

г) вопросительный знак;

д) подчеркивание простой чертой;

е) отчеркивание на полях против строк вертикальной чертой;

ж) подчеркивание волнистой чертой.

Значение всех этих пометок понятно без пояснений; укажем только, что волнистой чертой Белинский обозначает ошибки и выражения, показавшиеся ему неудачными.

Словесные замечания конечно понятны сами по себе.

Повторяем чтения Белинского при его обязанности писать отзывы о всяких книгах, будь то Гоголь, снотолкователь или какая-нибудь хозяйственная книжка, приобрели громаднейший размах. О чем только ему не приходилось писать статьи, а, следовательно, каких только книг ему не приходилось читать! Так или иначе — вдумчиво или пробегая — приходилось прочитывать за всю свою жизнь великое множество разнообразных книг. Разумеется нет возможности да и нужды в настоящей статье затрагивать всех чтений Белинского в связи с описанием его книг. Задача настоящей статьи скромнее — охватить в связи с личными книгами знаменитого критика наиболее существенное и интересное в его чтении.

Во главу угла ставим отдел философии, впрочем очень маленький по своей численности; в нем всего книг — 6 названий. Это — сочинения Вольтера и Руссо (подарок Герцена), а также 1—2 книги богословского характера (Ф. Прокоповича). Ни одна из этих книг пометок не имеет.

Получается большая неувязка: бедность по части философских книг у человека, который по отзывам его друзей — А. И. Герцена и В. Ф. Одоевского и др. — был человеком философского склада, который много у философов получил, хотя бы от Гегеля, написал не один десяток отзывов о философских книгах, наконец писал свои письма к близким друзьям — М. А. Бакунину, Н. В. Станкевичу, В. П. Боткину и др. — в виде дельных философских диссертаций. Едва ли здесь неувязку можно объяснить утратой книг. Почему именно эти книги должны утеряться? Повидимому приблизительно столько книг и было. Разгадка заключается очевидно в том, что русских философских книг он за немногими исключениями, вообще не признавал, французскими философами не интересовался, а по-немецки читать многотомные работы из-за недостаточного знания немецкого языка не решался¹⁶. Что же касается ознакомления Белинского с философией, то почти единственным источником были его беседы со Станкевичем, Бакуниным, Катковым и др. Дополнением к философским беседам служили статьи по философии, печатавшиеся в наших журналах того времени, в частности о Шеллинге и Гегеле, даже в тех журналах, где сотрудничал Белинский, они были.

В своей деятельности Белинский считал прежде всего журналистом — полемистом и памфлетистом, — а потом уже критиком в более узком значении этого слова. Своему другу В. П. Боткину в 1840 г. (впрочем в том же духе и раньше и потом) он пишет: „Мне остается одно — объективный интерес моей литературной деятельности. Тут только я сам уважаю себя и сознаю не дрянью, потому что вижу в себе бесконечную любовь и готовность на все жертвы; только тут я и страдаю и радуюсь не о себе, не за себя... И потому я больше всего горжусь какой-нибудь удачной выходкой против Булгарина, Греча и подобных сквернавцев, нежели дельной критической статьей¹⁷. Исходя из этого самопризнания Белинского, после отдела философии переходим к отделу периодики, который связан с „его ремеслом и призванием вместе“. К этому отделу надо отнести как все собрание периодических изданий в библиотеке критика, так и все те книги, которые служили для него настольными пособиями в его журнальной работе. Этот отдел, как и надобно ожидать, — самый большой по количеству названий, при этом серийных и вдобавок иногда очень солидных; так „Вестник Европы“, с 1805 г. по 1848 г., содержал, когда еще не был разрознен, т. е. при жизни критика, около 300 томов. Всего в этом отделе состоит 57 названий, в подавляющем большинстве конечно относящихся к серийным изданиям.

Этот отдел даже и теперь, когда налицо явные утечки в виде неполных годовых комплектов журналов, весьма богат. Рано, еще с гимназических лет пристрастившийся к журналам, он уже в эти годы начинает их собирать¹⁸, при чем собирает, как русские, так при случае и иностранные, почти исключительно французские, но с особенным интересом подбираются им в течение всей жизни русские журналы, современные и прежних лет, даже XVIII в.

Его собрание периодики — 49 преимущественно русских журналов старого и своего времени — заключает все наиболее существенное и интересное в области русской журналистики. Из периодических изданий XVIII в. мы находим почти все новиковские журналы (сатирические видимо уже утрачены; судя по высказываниям, он их хорошо знал); любопытный, делом переводный с немецкого „Политический журнал“ (1790) весьма ценный по своему времени „С.-Петербургский Журнал“ известного И. П. Пнина и А. Ф. Бестужева (1798); „Приятное и полеванное препровождение времени“ В. С. Подшивалова (1794—1798) и др. Журналы начала XIX в. представлены „Вестником Европы“ в изданиях последовательных редакций (Карамзина, П. П. Сумарокова, Жуковского и Каченовского), „Драматическим вестником“ (И. А. Крылова и С. Н. Марина), „Московским Журналом“ Карамзина, „Почтой Духов“ Крылова и др. И затем журналы эпохи Белинского: тут „Вестник Европы“ Каченовского, „Московский Телеграф“ Н. А. Полевого, „Телескоп“ Н. И. Надеждина (кстати, — „Философское письмо“ Чадаева вышло в свет в книжке, выпущенной Белинским в отсутствие Надеждина), „Библиотека для Чтения“ О. И. Сенковского (Брамбеуса), „Сын Отечества“ братьев-разбойников: Булгарина и Греча; журналы, которые велись при сотрудничестве Белинского: „Молва“, „Отечественные записки“, „Современник“ и др. Из иностранных изданий сохранились: том „Hallische Jahrbücher“ за 1838 г., „Deutsche-Französische Jahrbücher“ 1844 г. (вышла всего одна книжка)¹⁹ и разрозненный „Revue de deux Mondes“.

Словом, перед нами чуть не целиком кабинет по истории русской журналистики. На некоторых книжках журналов, даже старых, есть пометки. Пометки эти (Белинский был скуп на пометки) весьма любопытны. Читая статью анонима „Хитрости английских журналистов“ в „Вестнике Европы“ 1803 г., он ставит NB против такого места статьи: „Славный Кант есть сын шведского капрала, таким образом и Сократ родился от бедного резчика и повивальной бабки“ и еще другого: „На свете только одна хорошая партия — друзей человечества и добра!“. Демократ-разночинец выступает в них довольно язвительно. В статье „Некрология за 1832—33 гг.“ „Московского Телеграфа“ Н. А. Полевого Белинский делает едкое замечание редактору, напечатавшему в своем журнале о смерти четырех ориенталистов (тогда как их на самом деле трое умерло а 4-й в журнале появился вследствие того, что длинное имя третьего было разделено на два имени): „Где же 4-й ориенталист? Верно, Иоанн-Петр Абель-Ремюза идет за двух — Иоанн и Петр. — Ну, так это так!“.

В некоторых журнальных книжках найдем обычную корректурную правку, явно конечно бесцельную. Для чего это? — Очевидно след профессиональной привычки.

В сборнике „Deutsche-Französische Jahrbücher“ 1844 г. отмечены как важные и интересные статьи: 1) К. Маркса „Zur Kritik der Hegel'schen Rechtsphilosophie“ (стр. 71—85); Г. Гейне: „Lobgesänge auf König Ludwig“ (Похвала королю Людовику).

Первая имеет пометку „NB“ при заглавии, и кроме того в ней отчеркнуты вертикально линией на полях первые семь абзацев²⁰.

Судя по несохранившемуся письму Н. Х. Кетчера к А. И. Герцену, упоминаемому В. Г. Белинским в своем письме к последнему от 26 января 1845 г., весь „Ярбухер“ (а в особенности конечно речь может идти об отмеченных статьях К. Маркса и Г. Гейне), по сообщению Кетчера, произвел громадное впечатление на критика. Последний впрочем, не отрицая по существу сообщения Кетчера, отвечает Герцену, несколько ослабив силу впечатления от „Ярбухера“, что в Белинском, „человеке экстремы“, было сплошь и рядом: „Кетчер писал тебе о Парижском Ярбухере, и что будто я от него воскрес и переродился. Вздор! Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня я от него был бодр и весел, — и все тут. Истину я взял себе,

и в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь два слова как следующие за ними четыре. Все это так, но ведь я попрежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и как я думаю. А чорт ли в истине, если ее нельзя популяризировать и обнародовать? — Мертвый капитал!²¹ Это — единственный след в письмах Белинского о впечатлении, произведенном на него *Deutsch-Französische Jahrbücher*'ом.

О чем говорят указанные слова Белинского? По нашему мнению, они вполне определенно говорят о том, что марковские рассуждения о религии и ее значении привлекли самое серьезное внимание с его стороны; других статей, кроме статьи К. Маркса, на эту тему в сборнике нет. Ясно, что в центре внимания Белинского стояла именно она. Далее, судя по словам Белинского о том, что он из статьи „истину взял“, говорят о приятии им мыслей К. Маркса, при чем дальнейшие слова приведенного письма определенно указывают на то, что „истина“ воспринята читателем, как и подобает; т. е. „бог и религия“ поняты в неразрывности с „тьмою, мраком, цепями и кнутом“, религия понята как орудие угнетения в руках господствующего феодально-буржуазного общества, направленное им против пролетариата, и что борьба против религии должна по существу вестись в виде грядущих боев с властью, одурманившей трудящихся „опиумом“.

В уявнсо статью могла подействовать на Белинского „Хвалебная песнь королю Людвигу“ Г. Гейне, поэзию которого критик ставил высоко и любил ее, называл его „милым Гейне“²². Стихотворение это не менее зло и остроумно вышучивает нелепости религии, в особенности в сочетании с прелестями тогдашнего немецкого режима, как и песни Беранже, восторженно принятые Белинским в 1841 г., в период увлечения „новым христианством“ правых гегельянцев.

Выразилось ли в чем-нибудь влияние идей великого основоположника научного социализма, высказанных им в вышеуказанной статье, на произведениях знаменитого нашего критика?

Принимая во внимание условия тогдашней российской действительности и вытекавшие из нее непомерно жесткие цензурные требования, особенно же по отношению к „Отечественным Запискам“ и „Современнику“, в частности к статьям самого Белинского²³, трудно, даже прямо невозможно и ожидать, чтобы в какой-нибудь ощутительной форме „неистовый Виссарнон“ мог высказывать мысли о религии в связи с ее политикой хоть приблизительно в том виде, как их высказал К. Маркс в интересующей нас статье. Эту невозможность печатно высказать „что я думаю и как я думаю“ сознавал и сам критик, высказавшись в приведенном выше отрывке из письма его к Герцену, при чем, не имея возможности высказаться „печатно“, он горько жалуется: „А чорт ли в истине, если ее нельзя популяризировать и обнародовать? Мертвый капитал!“ Высказываться по данному вопросу Белинский мог только намеками, и то отдаленными, и не всегда даже в письмах, не говоря уже про статьи: ведь он, как и все тогда, отлично знал, что всюду сидят „Шпекины, распечатывающие чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов“²⁴.

Но все же, как ни жестока, как ни „проницательна“, выражаясь словами Чернышевского, была цензура, отзвуки марковской статьи слышатся у Белинского. Берем наиболее сильные, выраженные в знаменитом письме „неистового Виссарнона“ к Гоголю по поводу „Выбранных мест из переписки с друзьями“ (вышли в 1847 г.) от 3 июля 1847 г. В своей книге, как известно, Гоголь довольно часто говорит о религии, высказываясь о ней в тоне, весьма угодном для охранителей, и призывая ее таким образом к выполнению своей обычной „священной“ роли как „опиума народа“.

Возмущенный до глубины души „пакостной“ книгой Гоголя, Белинский, стоявший в тот момент уже одною ногой в могиле, отвечает с бешеной страстью автору книги в форме письма (из-за границы), рискуя попасть в лапы кого-либо из породы Шпекиных.

Нет нужды, особенно в виду огромных размеров этого замечательного письма, приводить его целиком; оно общеизвестно; достаточно привести наиболее выпуклые места из него, необходимые для наших целей, и кратко остановиться на них.

Белинский в указанном письме к Гоголю, отвечая последнему по поводу „Выбранных мест из переписки с друзьями“, рассуждает о вопросах религии в связи с политикой, как ставил эти вопросы и Гоголь в своей книге. Возможно, что, желая нанести сокрушительнее удар своему прежде любимому писателю за его гнусный поступок, „неистовый Виссарий“, „страстный и страшный полемист“, по выражению Г. В. Плеханова, касается лишь основных идей Гоголя, не затрагивая второстепенных, а именно говорит о неразрывности религии и политики, о политическом значении религии в жизни людей, о необходимости бороться с религиозным дурманом ее, а не укреплять его, в целях человеческого блага, и отчасти—о значении философии в ее борьбе с религией. О неразрывности религии и политики Белинский, говоря, что православное русское духовенство, от патриарха до попа, всегда было „слугою и рабом светской власти“, пишет Гоголю: „Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов—что вы делаете! Взгляните себе под ноги,—ведь вы стоите над бездною.

Было бы, конечно, бесосновательно утверждать, что эти страстные тирады являются прямым результатом знакомства Белинского со статьей Маркса. Следующие далее рассуждения о том, что православная церковь одно, а Христос — другое („Что вы подобное учение опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма, но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы наша общего между ним, а тем более православную церковь? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства²⁵...“),—достаточно наглядно показывают, что так ставить вопрос нельзя. Но предположение, что развиваемая Белинским мысль о православной церкви как орудии русского самодержавия можно рассматривать как какой-то отзвук его знакомства с марксовской статьей,—вполне вероятно.

О политическом значении религии в жизни людей, как несущей угнетенным трудящимся от их классовых притеснителей — земных владык — цепи и кнут, Белинский отчасти говорит конечно и в приведенных отрывках, а более подробно так: России „нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре,— правда и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение...“²⁶ За недостатком места опускаем довольно значительную по объему тираду об „ужасном зрелище страны“, угнетаемой царским правительством. Здесь мы тоже можем наблюдать близость В. Белинского к К. Марксу. Что касается мысли о необходимости борьбы с религией, а не поддержки ее, то в сущности этою идеей проникнуто все это письмо, а в особенности его заключительные строки с обращением к Гоголю «искупить тяжкий грех изданий» гнусной книги „новыми творениями“²⁷, напоминающими прежние, т. е. проникнутые проповедью действительно полезных человечеству идей.

Есть и другой случай, характеризующий воздействие идей Маркса на Белинского, относящийся к тому же 1847 году, к начальной поре сотрудничества критика в „Современнике“ Некрасова и Панаева. Как известно, первые четыре книжки этого журнала во всем обаяны работе Белинского: он не только дал громадный художественно-литературный материал, собранный им для затеваемого альманаха „Левифаг“, но и приложил свою руку ко всем отделам журнала, а в особенности к отделу критики и библиографии, находившемуся всецело в его заведывании. Чтобы представить отчетливо положение Белинского в кругу только что сформировавшейся редакции „Современника“, необходимо обратиться к письмам самого критика данной поры, где дана полная и яркая картина. Между прочим он писал Тургеневу в письме от 1 марта 1847 г. (в момент выхода в свет книги № 3 и подготовки к печати кн. № 4) об этом: „Современник“—журнал без редактора, без главы. Первый год, благодаря случайному запасу статей для моего альманаха, первый год сгоряча пройдет как-нибудь еще недурно; но о втором страшно мне и подумать. Некрасов—золотой, неоцененный сотрудник для журнала, но распорядитель сквернейший, хуже которого разве только Панаев. А между тем за все вялся сам. Теперь он видит, что без меня шагу сделать нельзя...“

Есть замечание и касательно критико-библиографического отдела журнала: „Библиография состоит только из моих и Кавелина статей; от этого она страшно однообразна и весьма серьезна“. О том же отделе в письме к В. П. Боткину, от 22 апреля 1847 г., Белинский высказывается также с недовольством: „...“ у нас вовсе нет критики (которая после русских повестей, важнейший отдел в журнале), да и библиография-то не совсем такова, как следует быть. На основании этих слов Белинского мы имеем полное основание утверждать, что ни одна из статей критико-библиографического отдела журнала не могла войти без воли критика; вполне возможно даже, что статьи, не имевшие никаких подписей и даже инициалов, значит, по тогдашнему обычаю, как редакционные, принадлежали самой редакции, в частности Белинскому.

В отделе критики и библиографии „Современника“, именно в кн. № 4 за 1847 г., наше внимание не может не остановить рецензия без подписи на книгу В. Григорьева „Еврейские секты в России“ (СПб., 1847), судя по письму критика к В. П. Боткину, от 4—8 ноября 1847 г., его заинтересовавшую. В данной рецензии мы находим не столько разбор самой книги В. В. Григорьева, сколько высказывания общего характера по вопросу о религии и ее связи с политикой и т. п. Здесь между прочим есть такое рассуждение, каким-то чудом проскочившее чрез цензурные рогатки (хотя статья, судя по противоречивости мыслей ее начала, даже отсутствию ясного смысла, носит тяжелый отпечаток палаческой правки цензора): „История религиозных переворотов разрешает много социальных вопросов и бросает новый свет на историю развития гражданского общества. В религиозном завете предстают ярко и выпукло те положения общественной жизни, с которыми люди никогда не могли примириться, но которым те же люди покорялись,—положения, которых нельзя вывести из свойств человеческой природы, и в то же время нельзя не признать за факты. Поэтому критика религиозного законодательства многих народов есть в то же время и критика общественного устройства: в нем лежит залог, причина многих неразрешимых, а нормальных явлений общественной жизни“ (разрядка наша—А. П.). Не выделенные слова „многих народов“, очевидно были поставлены ради цензуры, ибо они ничем не мотивированы. Это напрашивается потому, что в статье видна корректурная спешная правка: в цитированных строках 4 грубых ошибки, не говоря о всей статье, из которой цензор, ставя вне критики „истинную религию, не подлежащую критике“, изгонял всякие зловердые даже намеки.

Повторяем, что, вне всякого сомнения, если эта мысль о неразрывности религии и политики, так выпукло подчеркнутая К. Марксом, не принадлежит здесь самому Белинскому, как автору рецензии, то она разделялась им, как руководителем отдела критики и библиографии „Современника“; ни Некрасов, ни тем более Панаев указанным отделом, да и вообще журналом в данный момент совершенно не интересовались и рецензий не редактировали; кстати в этой же книжке помещены отзывы Белинского, уже вошедшие в венгерское издание сочинений (№№ 968 и 969, помещ. в XI томе). Словом, мысль, выраженная в этой рецензии о тесной связи религии и политики, если и не была высказана самим критиком, то вполне разделялась им. И это тоже есть вполне вероятный отзыв воздействия статьи Маркса на мировоззрение „неистового Виссарiona“.

Но может быть на Белинском сказались другие воздействия приблизительно в том же духе, что и учение К. Маркса? Проследив, при изучении чтений Белинского, по связи с обследованием его личной библиотеки, за всем тем, что он читал до знакомства и после знакомства с „Ярбухером“ по вопросам религии, можно сказать, что указать других влияний мы не можем. Действительно вышло так, как и писал „неистовый Виссарюн“ в своем письме к А. И. Герцену от 26 января 1845 г.: „Истину я взял себе,—и в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре“... И охранители царского „правопорядка“, никогда не отделявшие от самодержавия православия, были правы по своему, обвиняя Белинского в том, что он „своими статьями подрывает народность, семейную нравственность и православие“.

Таков факт одного из самых ранних воздействий учения Карла Маркса на русскую радикальную интеллигенцию в лице В. Г. Белинского, открывшийся благодаря крат-

кому замечанию последнего о „Парижском Ярбухере“ и случайно сохранившейся в личной библиотеке критика означенной книги с его пометками.

И думается, этот факт не единственный, возможно даже, что он—один из многих. И наша обязанность—собрать и изучать эти факты, чтобы мы могли нарисовать полную картину распространения в России идей К. Маркса.

* * *

Кроме периодики в этот же отдел должны быть отнесены и те справочные издания, которые были настольными у Белинского. Это содержательная группа солидных книг: „Энциклопедический лексикон“ Плюшара, вышедший в эпоху Белинского; „Всеобщий географ. и статист. словарь“ С. Гагарина (1834—1843), весьма капитальный по своему времени; знаменитый „Опыт российской библиографии“ В. Сопикова (1813—1816) и т. п. В своих рецензиях, даже из областей, будто бы далеких от Белинского, последний почти всегда поражает своею осведомленностью даже в мелочах. Одною громадною начитанностью при весьма хорошей памяти трудно было бы обسخнить осведомленность Белинского в разных областях знания без пользования справочниками в затруднительных случаях. И он видимо широко пользовался ими.

Таким образом в своей „журнальной лаборатории“ Белинский имел надлежащее оборудование для своей деятельности журналиста и, нужно сказать по справедливости, использовал его с большим успехом.

Неразрывно связанный с работой в журналах и следовательно с отделом журнальным отдел филологии в широком смысле (критика, литературоведение, лингвистика), невелик: в нем лишь 14 названий, но во времена Белинского, когда данная отрасль науки была еще в зачаточном состоянии, и это число можно считать значительным, тем более, что подбор книги был хороший. Не надо упускать здесь из виду и того, что немало относящихся сюда статей Белинский мог разыскивать в современных ему журналах, охотно печатавших статьи по литературе и языку.

Что здесь имеется?

О статьях Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского и др. не говорим; они есть в собраниях сочинений этих писателей. Была из старых книжка, частенько вспоминаемая, не без иронии Белинским: „Правила пиитические в стихотворении Российском и Латинском“ (1785), затем—позднейшие: „Главное начертание теории и истории изящных наук“ Мейнерса (1803 г.), „Краткое начертание теории изящной словесности“ А. Мерзлякова (1822), „Словарь древней и новой поэзии“ Н. Остолопова (1821 г.); „Систематическое обозрение литературы в России“ А. Штерха и Ф. Аделунга (1810—1811), Сочинения А. С. Шишкова, серия И. А. Кронеберга „Брошюрки“ (по эстетике, литературоведению и проч.)—всего семь—очень серьезные, хотя и небольшие по объему труды харьковского профессора и известного переводчика (1830—1831), „История древней и новой литературы“ Фр. Шлегеля (1834), „История древней русской словесности“ М. Максимовича (1838), „Die origine, natura et fatis poëseos. quae Romantica audit... Dissertatio... Conscripsit mag. Nicolaus Nadezdin (Mosquae, 1830 г.)“, „Очерки русской литературы“ Н. А. Полевого (1839), „Euvres de Boileau Despreaux (1716) и словари русских писателей—новиковский и болховитиновский. Наконец для библиографических справок могла быть использована упомянутая в отделе периодики книга В. Сопикова.

Эти книги конечно не соответствуют объему чтений Белинского: в своих критических статьях он ссылается и упоминает значительно большее число книг по литературоведению: Баттэ, Лагарпа, Лессинга и др.

Из названных книг пометки имеют книги—Н. А. Полевого, И. Кронеберга и А. Шишкова. В брошюрках И. Кронеберга, которого Белинский ценил за ученость, мы находим отметки о важных сочинениях по эстетике и литературе; это очевидно—себе на память, на предмет ознакомления с отмеченными статьями; любопытно, что отмечено „Ars poëtica“ Горация, „L'art poétique par T. Sibilet“, „Опыт науки изящного“ Галича, Баттэ, Шлегель, Винкельман, Генденрейх и др. Пометки в книге Шишкова интереса не представляют. Очень много пометок в двух томах книги Н. А. Полевого, касающихся

разбора последним литературной деятельности Жуковского, Батюшкова, Пушкина, В. Скотта, Байрона и проч., но на них нет нужды останавливаться потому, что данные пометки использованы критиком для статьи об этой книге²⁸.

Отнесенные к этому же отделу книги по лингвистике, в количестве 7 названий, включают кроме словарей (для переводов) французско-русского и немецко-русского, а также „Словаря Российской Академии“, несколько сочинений по лингвистике: „Филологические наблюдения“ Г. Павского (1842), Максима Грека „Беседование о пользе грамматики“ (1782) и статьи в сочинениях Шишкова, Ломоносова и других старых авторов. Пометки есть только на статьях А. С. Шишкова. Пометок много, но все они более или менее однообразны: критик отмечает все, что связано с филологическими построениями Шишкова. Отмечен также ряд ошибок Шишкова в статье о „Слове о полку Игореве“, впрочем не всегда правильно. Принимая во внимание, что Белинского русское языкознание сильно интересовало и что он даже сам является автором русской грамматики, нужно признать, что книг по лингвистике все же маловато, тем более что критик, автор многих рецензий на русские грамматики²⁹, прочитал гораздо больше книг, чем их собрал у себя. Он знает не только Ломоносова и Востокова, но также Грека и других как авторов русской грамматики.

Отдел художественной литературы совсем не велик; в нем 55 названий. Судя по тому, что отсутствуют книги, несомненно бывшие в библиотеке Белинского, как например сочинения Кольцова, дважды (в 1835 и 1846 гг.) изданные под редакцией критика, а также его любимые поэты: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гейне и др., можно определенно говорить, что от прежнего состава остался только некоторый след. И немудрено: такие книги больше других „зачитывались“ берущими их.

Здесь осталось немного и несущественно типичное для Белинского. Из писателей XVIII в. имеем: Ломоносова, Сумарокова, Екатерину II, Богдановича и Капниста (Державин не сохранился тоже). А из XIX в. уцелели: Карамзин, Жуковский, Баратынский, А. Н. Майков, Николай и Ксенофонт Полевые, и потом уже мелкота: В. Тепляков, П. Макаров. Ч. А. и проч. Все книги этих „неких“ — разумеется присланные для отзыва, а не купленные критиком: слишком злы и резко отзывы об их книгах Белинского. Вот и все из русской литературы. Оно в самой ничтожной доле соответствует тому, что прочитал Белинский даже *ex officio*, не говоря уже об его чтениях для себя.

Из иностранных литератур тоже немного, и причиною бедности в этой части, думается, — та же утечка книг. Здесь уцелело: Wilhelm Meister par Goethe (trad. T. Consteel), Oeuvres complètes — Shakespeare (trad. F. Guisot), — de W. Scott (trad. F. Guisot), — de la Fontaine, — de F. Rabelais, — de Béranger; Histoire de Gil-Blas par Lessage; Contes et nouvelles par A. Dumas; Les mystères de Paris par E. Sue, Le dernier Aldini par G. Sand, — ее же — Le piccinito и др.; большая коллекция пьес французских и немецких драматургов (последние во франц. переводах) — целая библиотека в издании Лепентра (1812—1823); большая серия переводов из античных литератур (Гомер, Пиндар, Софокл, Анакреон и др.) Ив. Мартынова, Вергилий, некоторые драмы Шекспира и Мольера в русских переводах, также Байрон. И эти иностранные писатели тоже конечно лишь в малой степени покрывают чтения Белинского из данной области.

Из книг этого отдела пометки имеются на книгах: „Oeuvres complètes de Béranger“ (1837), „Гамлет“ Шекспира в переводе Н. А. Полевого (1832), сочинения А. Кантемира (1762) и Ломоносова (1776). Не все пометки имеют большой интерес; за исключением книги Беранже, пометки поставлены при писании критических статей и конечно в существенной части использованы Белинским в его критических статьях; по своему характеру они типичны: отмечены места для цитат, неудачные выражения и т. п. Важно здесь только отметить то, что Белинский, составляя статью, далеко не всегда считался со своими отметками: некоторые из них оставлял неиспользованными, затем вносил новое, не нашедшее отражения в отметках, очевидно возникшее у него в момент писания статьи, когда в руках его находилась рецензируемая книга.

Иначе дело обстоит с Беранже, которого он читал в 1841 г., когда в Петербурге только что появилось новое издание его песен с гравюрами (гравюры — слабость Белинского). Это был момент, когда он начал проникаться религиозным волюнтаризмом

и усваивать социализм. И религиозное вольномыслие, и социализм критика нашли свое отражение в пометках к стихотворениям: „Le Bon Dieu“ (т. II, стр. 73—75), в Notes к стих. „Le suicid“ заметки о Сен-Симоне и Фурье (т. III, стр. 189—190), стих. „Le penseur“ (т. II, стр. 183—185) и др. Стихотворения отмечены просто значками: NB и крестиком.

* * *

В историческом отделе книг—25 названий, из которых 13 падают на исторические труды, а 12 на мемуары, памятники истории и т. п. Если принять во внимание, что истории в кружке Станкевича отводили очень большую роль и ею интересовались, поскольку материал для упражнения в диалектике брался отсюда, то количество книг данной группы незначительно. Впрочем для упражнения в диалектике служили исторические книги общего характера, не громоздкие, которые легко ходили от одного к другому; это иногда почти конспекты, примером которых служит застрявшая среди книг Белинского ранее принадлежавшая Н. В. Станкевичу (есть его собственноручная подпись) брошюра „Chronologischer Abriss der Weltgeschichte“ von F. Kohlrausch (1832). В этом отношении Белинский не отставал от прочих. Но собственно таких-то книг здесь нет, кроме названной. Здесь мы находим ряд книг, относящихся к Петру, его любимому историческому деятелю: „Деяния Петра Великого“ с „Дополнениями“ И. Голякова, „История императора Петра Великого“ Ф. Прокоповича (1788), „Житие Петра Великого“ (1788), „Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом“ Якова Штелина, „Кабинет Петра Великого“ О. Беляева (1793), „Записки исторические, политические и военные о России с 1727 г. по 1744 г.“ Г. Манштейна (1810), „О России в царствование Алексея Михайловича“ Гр. Котошихина (1840) и „Древняя Российская Вивлиофика“, изд. Н. Новиковым (1788—1791). Подбор большой и, нужно сказать так или иначе использованный. Об этом достаточно говорят его статьи о Петре, с которыми теперь можно познакомиться без цензурных купюр³⁰. В. Г. Белинский, „вечно в экстреме“ находившийся по характеристике А. И. Герцена, всегда интересовался переломными эпохами в истории человечества. Следы этого увлечения отразились и в его библиотеке, в которой мы находим по французской революции книги: Тьера, Блана, „Dix ans d'études historiques“ par A. Thierry (1835) и др. Сюда же нужно отнести „Плутарховы сравнительные жизнеописания“³¹ в перев. Спир. Дестуниса, по признанию критика, открывшие ему ключ к пониманию французской революции, а также „История упадка и разрушения Римской истории“ Гиббона (1824). К этой же эпохе — мемуары: „Memoires secrets sur la règne de Louis XIV, la Régence et la règne de Louis XV“ par Duclos“ (1846—1847).

Интересовало Белинского революционное движение и в России. Следом этого интереса являются книги, касающиеся революционных движений в русском народе: „Краткая повесть о бывших в России самозванцах“, 2-е изд. (1778) и „Histoire des révolutions de l'empire de Russie“ par M. Lacombe, Avocat (1760). В последней книге, очевидно купленной из-под полы на толкучке (книжка в самодельном переплете; пожелтела, видимо запрятывалась в сыром месте, изведена молью), есть пометки, а именно отмечены крестиком и отчеркнуты вертикальной линией на полях страницы события под годами: 1584, 1606, 1683, 1700, 1702, 1721 и 1725; на заднем вклеенном листе эти же годы с указанием страниц книги записаны в табличке. О других книгах по истории как имеющих малое значение не упоминаем.

Что воспринял отсюда Белинский? Прежде всего перечисленные книги о Петре I послужили ему материалом при написании статей о последнем; критик даже в восторге от Голякова, автора, внесшего в свои книги немало непроверенных сведений; Белинского очевидно подкупало чувство пиетета в авторе „Деяний Петра Великого“ к его любимому деятелю.

Что касается чтений по истории Французской революции, то они были ярким отзвуком страстной пытливости Белинского: разъяснить не только ход революционных событий во Франции, но также диалектику революции, политическую и экономическую ее основу. Думается, что в связи с историческими чтениями он принялся за чтение.

„Политической экономии“ Сэя, о которой мы упоминаем ниже³². Ошибки Л. Блана, не сумевшего понять диалектику революции, Белинскому были ясны, и по адресу французского историка критиком были высказаны ядовитые, ругательные слова: „Ежеминутно плюю в рожу дураку, ослу и скоту Луи Блану“.

Если сравнить список исторических книг библиотеки Белинского с его действительными чтениями, то последние значительно превышают первые; см. например рецензии, помещенные лишь в т. XII его „сочинений“ (изд. 1926 г.).

Совсем почти нет книг по вопросам общественным; всего две книги, из которых одна разрезана только в самом начале — дарственный экземпляр К. Д. Кавелина „Основные начала русского судостройства и гражданского судопроизводства, в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях“ (1844), а другая прочитана вся — „Cours complet d'économie politique pratique „par Jean-Baptiste Say“, sixième édition (1845), конечно в эпоху увлечения социализмом. И в письмах его мы наблюдаем ту же картину: из данной отрасли книгами Белинский интересуется мало (однако о сенсимолизме и фурьеризме он знает; об этих двух теориях, как указано выше, есть пометки на книжке Беранже). Видимо свои интересы в данном отношении Белинский вполне удовлетворял отчасти чтением журналов и газет, а самое главное — в тесном дружеском кружке откровенными беседами на вопросы общественной злобы дня, единственно, что было возможно в тяжелую эпоху реакционной политики Николая I.

Отдел естественных наук и географии видимо не был в почете у Белинского; здесь всего четыре названия, хотя среди них есть два весьма солидных издания. Это „Histoire naturelle générale et particulière“ par Georges Louis de Buffon (A Paris, 1798—1799 an), свхше ста томов и его же атлас с великолепными рисунками „Histoire naturelle des oiseaux“ (A Paris, 1744—1777 an). Но книги Бюффона — вероятно случайной покупки („за дешевку“) на толкучке из-за рисунков; Белинский на толкучке покупал гравюры, литографии и т. п. для своей коллекции³³.

Данная отрасль знания Белинского интересовала мало, но все же писать рецензии на книги по этой части ему приходилось нередко. Обязанный писать обо всем, что присылалось в редакцию, он в этих случаях говорил не о самой книге по существу, а по поводу ее или же об ее грамотности и пр. Что касается переводных статей Белинского из этой области, то здесь он конечно больше считался с интересами читателей, хотя в его переводах мы встречаем статьи, в которых художественный элемент играет важную роль, что не могло не быть во вкусе самого критика. Таковы „Гора Гемма“ (у Венгерова т. I, № 34), „День в Калькутте“ (там же, т. I, № 16).

* * *

Наконец — отдел детских книг, а вместе с ними и учебных, заключающий почтенное (сравнительно) количество 12 названий, из которых лишь одно — для детского чтения. Здесь сплошь гимназические учебники, да и то преимущественно латынь; среди этих же учебников довольно распространенная в первой трети XIX в. литературная хрестоматия, огромная по количеству книг: „Образцовые сочинения в прозе знаменитых древних и новых писателей“ (М., 1811), „Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе“ (1815—1817) и „Новое собрание сочинений“ (1824—1826) А. Ф. Воейкова, — книга, о которой без иронии не мог вспоминать знаменитый критик. Латинские авторы (учебники) испещрены переводами, вокабулами, грамматическим разбором; это — заметки, относящиеся к учебным годам Белинского. Судя по этим заметкам, Белинский неважный латинист; вот поэтому-то, при его любви к древним языкам³⁴, у него не встречается даже в письмах цитат из античных авторов в подлиннике.

Детских книг — одна; это Кампе „Новый Робинзон“, вызвавшая в свое время отрицательный отзыв Белинского³⁵, но она здесь не в том издании, которое рецензировалось. Белинский знал и любил детскую и юношескую книгу; ему принадлежит множество рецензий на книги подобного рода, даже более того: у него в статье о „Сказках дедушки Иринея“ (В. Ф. Одоевского)³⁶ есть очень обстоятельное рассуждение о детской литературе общего характера, которое он собирался обработать в отдельную книгу;

он сам и в зрелые годы увлекался Ф. Купером, Бульвером и другими авторами приключенческих повестей; наконец он сам собирался писать „робинзонаду“ или же переделки исторических книг для юношества⁸⁷. И в то же время — один Кампе, которого критик ставил очень низко. Явно, что здесь утечки (возможно при покупке Тургенев оставил все детские книги для сирот своего друга), и они ни в какой мере не только не покрывают чтений Белинского, но даже ничем и не напоминают об интересах и вкусах его в данной отрасли литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ „Мое знакомство с В. Г. Белинским“, напечат. в „Письмах В. Г. Белинского“, изд. под ред. Е. А. Ляцкого (СПБ., 1914), т. III, стр. 444—451.

² „Переписка Т. Н. Грановского“ (М., 1897), т. II, стр. 273.

³ Упоминания об этих произведениях есть в письмах Белинского: т. II, стр. 293—295 и пр.

⁴ Венгерова, С. А. Последние дни Белинского, в „Былом“ 1917 г., кн. 4 (26); здесь приведено целиком письмо М. В. Белинской. Кстати популярная по многократным репродукциям картина А. И. Наумова „Белинский перед смертью“ в смысле исторической верности не имеет ценности: это — вымысел художника.

⁵ См. например просьбы Белинского (1831 г.) о присылке ему в Москву его книг „Российской Вивлиофики“ и „Journal des Débats“ („Письма“, т. I, стр. 28).

⁶ Отзыв о ней в „Моав“ 1835 г., № 5 (у Венгерова в „Собр. соч. Белинского“ статья № 50), т. II, стр. 59.

⁷ „Отечественные Записки“ 1844 г., кн. XI; „Собр. сочин. Белинского“, т. IX, статья № 808.

⁸ „Письма“, т. I, стр. 28.

⁹ Так увлечение А. А. Бакуниной связано с увлечением Ж. Занд (получила от него в подарок парижский альбом „Les femmes de Georges Sand“); своей невесте М. В. Орловой дарит лермонтовского „Демона“, собственноручно переписанного. — „Письма“, т. II, стр. 352; т. II, стр. 294.

¹⁰ „Письма“, т. II, стр. 337.

¹¹ „Письма“, т. II, стр. 335.

¹² По характеристике И. И. Панаева, Белинский был завзятый преферансист.

¹³ См. например „Отечественные Записки“ за август 1842 г.

¹⁴ „Письма“, т. I, стр. 72.

¹⁵ „Письма“, т. II, стр. 210.

¹⁶ Немецкий язык он более или менее сносно изучил в середине 1837 г. („Письма“, т. I, стр. 125, 156 и др.), но книжный, а не разговорный.

¹⁷ „Письма“, т. II, стр. 89.

¹⁸ „Письма“, т. I, стр. 28.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. — Сочинения, изд. ГИЗ, т. I, 1928 г., стр. 13.

²⁰ См. Собр. соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, изд. 1928 г. (стр. 399—412).

²¹ „Письма“, т. III, стр. 87.

²² Белинский впервые познакомился со стихами Гейне в 1838 г. („Письма“, т. I, стр. 349—350), продолжал читать его новые стихи и далее („Письма“, т. I, стр. 259—307, 339, 379; т. II, стр. 203—209 и пр.).

²³ Напомним, что по отношению к Белинскому внимание охранителей царского „порядка“ как официальных (жандармов), так и добровольцев из лагеря рептильной прессы в описываемое время усиливалось с каждым годом: в 1844 г. мин. нар. проsv. граф Уваров обвинял „Отечественные Записки“, где главным лицом был Белинский, в своей докладной записке о „социализме и коммунизме“; в 1846 г. Л. В. Дубельту Ф. В. Булгарин доносил о „социализме, коммунизме и пантеизме“ критика; в 1848 г. в докладной записке шефа жандармов гр. А. Ф. Орлова Белинский среди прочих литераторов был признан особо опасным в отношении „коммунизма“ и пр. См. у М. К. Лемке — „Николаевские жандармы и русская литература 1826—1855 гг.“ (СПБ., изд. 1909 г.).

²⁴ „Письма“, т. III, стр. 238.

²⁵ „Письма“, т. III, стр. 232—233.

²⁶ „Письма“, т. III, стр. 231.

²⁷ „Письма“, т. III, стр. 233.

²⁸ Соч. Белинского, т. V, статья № 443.

²⁹ „Основания русской грамматики для первоначального обучения. Часть I. Грамматика аналитическая. Этимология. М., 1837 г.“ (Перепечатана в Собр. соч. Белинского под ред. С. А. Венгерова, т. III, ст. № 233).

³⁰ Полное собрание сочинений В. Г. Белинского (продолжение венгерского издания), т. XII, 1926 г. (Ред. В. С. Спиридонова), статья № 1012, стр. 256—291.

³¹ Отзыв о Плутархе, вовсе не настроенном революционно, как полагал Белинский —

„Письма“, т. II, стр. 246—251, — не совсем верен; Белинский от Плутарха в восторге. См. о Плутархе К. Маркса „Из подготовительных работ по истории эпикурейской и стоической философии“, Сочинения, т. I.

³² „Письма“, т. III, стр. 338.

³³ О принадлежности этих книг Бюффона Тургенев говорит в письме к Анненкову от 1 ноября 1854 г., напечатанном в „Новом Мире“ 1927 г., кн. IX, статья „Письма Тургенева к Анненкову“ с предисловием П. Е. Щеголева и комментариями И. С. Зильберштейна.

³⁴ „Письма“, т. II, стр. 245—246 (1841 г.).

³⁵ „Отечественные Записки“ 1842 г., кн. VI; тоже у Венгерова, ст. № 620.

³⁶ „Отечественные Записки“ 1840 г., кн. IX; Собр. соч. Белинского, т. V, ст. № 449.

³⁷ „Письма“, т. II, стр. 228.